

А.Н. Кушкова

ДЕРЕВЕНСКАЯ ССОРА: ТЕХНИКА ОПРОСА И МОДЕЛИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ¹

Деревенская ссора является новой темой в полевых исследованиях экспедиции Европейского университета; первый вариант опросника был составлен и опробован летом 1999 года, второй, незначительно измененный — в 2000 году. Вопросы о ссоре подразделялись на несколько основных групп и относились к различным аспектам данной темы: ссорам семейным и соседским, их причинам и поводам, поведению во время ссоры, особенностям мужских и женских ссор, способам примирения и пр. (с опросником можно ознакомиться в конце статьи).

Несмотря на достаточно полный характер опросника, экспедиционный опыт показал, что результаты работы в большой степени зависят от создания благоприятной коммуникативной ситуации и выбора техники ведения опроса. Задача данной статьи — представить основные типы собранных текстов о ссоре и рассмотреть некоторые методологические проблемы, возникавшие в процессе работы. Кроме того, мы попытаемся высказать наши предположения о том, как, учитывая полученные результаты, наиболее эффективно моделировать общение собирателя и информанта при работе над данной темой.

Что отличает исследуемую тему от других, более «традиционных» полевых тем?

1) При работе с темой «ссора» собиратели гораздо в меньшей степени, чем в других случаях, могут апеллировать к своему «незнанию» предмета беседы. Можно «не знать», почему так назван тот или иной религиозный праздник, вполне объяснимо незнание местных обычаев — однако, как справедливо предполагает информант, не иметь представления о том, что такое ссора и как люди ссорятся, нельзя. В этом смысле тема информанту «неинтересна» — вернее, непонятен наш интерес к ней.

2) Даже если предположить, что рассказы о ссорах циркулируют внутри пространства деревни между теми, кто либо был их свидетелем, либо принимал в них участие, ссора в большинстве случаев не становилась

предметом рефлексии для человека «извне»². Этим можно объяснить и то, что нередко наши вопросы были как бы «непонятны» информанту:

Соб.: *А, например, из-за чего у вас раньше ссорились?*

Инф.: *Дак ить... мало ль в хозяйстве... то надо то делать, то другое... что-то где-то не успели, вот... женка — на мужика... а мужик — свое... знач... не знаю... Ссора.*

[ЕУ–хвойн–99; 15; ИВЕ]³

В первый вариант опросника мы включили вопрос «Спрашивал ли вас кто-нибудь о ссоре до нас?» — однако ответ на него сразу оказался столь очевидным, что вопрос отпал сам собой; записанные нами нарративы «возникли» как рассказы для нас и непосредственно в момент рассказывания.

3) Важно учитывать, кроме того, что ссора не всегда концептуализируется как последовательность словесных и поведенческих актов, которые могли бы составить сюжет рассказа. На наш взгляд, это, в частности, связано и с внутренними особенностями самой интересующей нас темы. Представляется, что ссора может осмысляться на двух различных уровнях: с одной стороны, как «событие», с другой — как часть текущей повседневности, фактически невыделимой из общего фона взаимодействия. И хотя последнее, видимо, не соотносится в полной мере с «бес-событийностью»⁴, именно во втором случае информанты обычно воспроизводят максимально обобщающие ответы такого типа *Ну мало ли по... бывае[т], што такое... и не надо, да забранишься* [ЕУ–гдов–00; 25; АНЯ]; *Да тоже, всяко бывало* [ЕУ–хвойн–99; 15; ИВЕ]; *У всех такое... полно было таких* [ЕУ–хвойн–99; 24; ИЕИ]; *Всего бывало, и везде всяко жили* [ЕУ–батец–99; 29; ЕАА] и подобные.

При описании ссоры как одного из элементов «ежедневной рутины» информанты обычно не могут ответить на вопрос о ее причине, даже если, как в следующем примере, они способны восстановить контекст всей ситуации:

Соб.: *А женщины у вас дрались тоже?*

Инф.: *А женщины за волосы потягают друг дружку...*

Соб.: *А из-за чего?*

Инф.: *Да что-нибудь зассорятся... Вон как ходят... из головы вшей ищут...*

Соб.: *?!*

Инф.: *Раньше так и было! Придут — как воскресенье, так бабы собираются где-то... в избу... и вот... ищут. Ложится на колены, другой бабы ножик вот... из головы и водют...*

Соб.: *Дак и что, они там ссорились, когда вшей-то вытаскивали?*

Инф.: *А бывает и зассорятся!*

[ЕУ–гдов–00; 7; МНП]

Иногда в таких случаях информант фактически пытается дать определение ссоры вообще, используя стереотипные языковые клише:

Инф.: *Кто кого не послушает, кто что, думаешь, не сделал и... долго забраниться? В один момент.*

Соб.: *А мирились быстро потом?*

Инф.: *Ай! Когда помиришься, а когда и так пройдет. (Усмехается)*

[ЕУ—гдов—00; 25; АНЯ]

Очевидно, что именно для второго типа ссор методология изучения должна отличаться от приемов работы над такими темами, как, например, местные праздники, календарные обряды, ритуалы жизненного цикла и пр., то есть всего того, что, несомненно, представляет собой отмеченные события в жизни деревни.

4) При установлении исходного формата коммуникации собиратели не могут представить себя теми, кто записывает «про старину» и интересуется тем, «как здесь было раньше». Как будет показано далее, временное измерение оказалось достаточно значимым фактором в рассказах о ссорах. Тем не менее, поскольку в личном восприятии времени наличие или отсутствие ссор является лишь одним из многочисленных значимых элементов, «вывести» информантов на рассказ о ссоре только лишь через обращение к тому или иному временному периоду было достаточно трудно.

5) Характер информации, интересующей собирателя, в большинстве случаев является «частным», «закрытым», и ее передача влечет за собой нарушение структуры семейной и/или деревенской «солидарности». Нежеланием «выносить сор из избы» можно, в частности, объяснить полный отказ обсуждать деревенские ссоры⁵. Именно это в наибольшей степени обуславливает особую этику и структуру ведения беседы.

Весь комплекс перечисленных выше основных проблем создает такую ситуацию, в которой возможность использования прямых вопросов при работе с интересующей нас темой достаточно ограничена.

Чтобы ответить на вопрос, как можно подойти к ведению интервью на данную тему, представим основные типы рассказов о ссоре, которые нам удалось записать.

Собранные материалы позволяют говорить о том, что представления о ссоре связываются у наших информантов с двумя большими группами контекстов.

Первую можно условно назвать «ссора и сфера магического», вторую — «ссора и бытовые отношения». Каждая из этих групп обладает своей спецификой, включает характерный набор предметных ассоциаций, в текстах каждой из них реализуются различные нарративные модели и т.д.⁶

Нас будут интересовать в основном тексты второй группы, то есть ссора в структуре повседневных бытовых отношений, однако, чтобы дать полное представление о всех записанных типах текстов, скажем несколько слов и о комплексе «ссора и магическое».

Этот комплекс, в свою очередь, включает в себя два раздела. В первом представлены тексты, относящиеся к так называемому «мифологическому программированию», то есть приметы, запреты и предписания относительно ссоры. Эта область знания является достаточно открытой, запись таких текстов не представляет особых трудностей⁷.

Ко второму разделу комплекса «ссора и сфера магического» относятся тексты о связи ссоры и специального знания (любви и вредоносной магии). Сюда входят тексты о порче в результате ссоры, например, когда свекровь за то, что сын женится не на той, на ком хотелось бы ей, начинает мстить невестке. Рассказы подобного типа являются в первую очередь именно рассказами о порче; факт предшествующей ссоры, если таковая вообще была, чаще всего не является частью рассказа и устанавливается только после дополнительного вопроса собирателя. Видимо, речь в подобных рассказах идет не столько о ссоре как об открытом столкновении, сколько о более широком конфликте, частью которого может быть ссора.

Соб.: *То есть вот свекровь с невесткой плохо жили, да?*

Инф.: *Свекровь... сын-то дружил там с одной, с учительницей — а женился на этой. А свекрови, наверно, учительница надо была.*

[ЕУ–хвойн–99; 24; ИЕИ]

В данный раздел входит также небольшое число рассказов о ссорах и мести колдунов [ЕУ–хвойн–99; 16; ИВЕ] и несколько текстов, содержащих представление о том, что если колдун приворожит парня к девушке, то «оны будут жить как кошка с собакой» [ЕУ–батец–99; 28; ЕАА].

Этим в наших материалах исчерпываются типы текстов, относящихся к комплексу представлений о ссоре и магии. В целом методика собирания подобных текстов не является специфической именно для ссоры; предметом разговора здесь является, собственно, сфера магического, поэтому мы не будем останавливаться на ней подробно и перейдем к наиболее интересному для нас комплексу «ссора и бытовые отношения».

В этом комплексе также можно выделить две группы.

Первая относится к так называемым «рассказам о прошлом и настоящем» и представлена устойчивыми формулами типа «раньше жили дружно» / «сейчас живут на ножах». Вот несколько примеров таких текстов. **Соб.:** *А между собой ладно жили все?* **Инф.:** *Ой — все... как родные все. Дааа, никогда не ругался никто ни с кем...* [ЕУ–хвойн–99; 28; АЕО]; **Соб.:** *А как вам кажется — раньше люди дружнее жили?* **Инф.:** *Ой, дружно... ой как дружно жили <...> Люди голодные были, нищие были, да дружные (...). Все друг другу помогали* [ЕУ–хвойн–99; 24; ИЕИ] *...никаких ссор не было.* [ЕУ–хвойн–99; 28; МАЕ].

Следует заметить, впрочем, что информанты в подобных случаях не столько говорили о ссоре, сколько воспроизводили клишированные формулы, регулярно соотносимые либо с образом «идеального прошло-

го», либо с противопоставленным ему представлением об «ухудшении времени» в настоящем, упадке нравственности и, в некоторых случаях, наступлении последних времен. *Сейчас — да в каждой семье все ссоры какие-нибудь* [ЕУ—батец—99; 18; ОАЕ]; *Теперь — ведь это надо так жить — все по отдельности <...> в деревне-то народа-то всего ничего, а все [по] каким-то куточкам... по три, по четверо...* [ЕУ—хвойн—99; 24; ИЕИ]. При этом важно отметить, что само слово «ссора» чаще всего не появлялось в речи информантов (то есть в строгом смысле слова имело место несоответствие вопроса и ответа), но тем не менее оно всякий раз «узнавалось» в вопросе собирателя и актуализировало уже готовые речевые стереотипы.

Как один из элементов образа прошлого или настоящего ссора, разобщенность, отсутствие единства между людьми оказывались в таких текстах «синонимичными» другим представлениям, соотносящимся с жизнью «хорошей» или «плохой». При этом статус концепта «ссора» в некоторой степени лишался самостоятельности, становился «связанным», что вообще достаточно часто наблюдается при описании представлений о ссоре и, вероятно, в целом является одной из особенностей ее концептуализации⁸.

Так, в картину «идеального прошлого» наши информанты включали высокий материальный уровень жизни⁹, отсутствие воровства¹⁰, традицию празднования деревенских праздников¹¹, совместное посещение бань¹², почитание стариков¹³, совместную работу¹⁴.

Соответственно, в формулах-антитезах, описывающих ухудшение жизни в настоящем, ссора становится в один ряд с отсутствием денег [ЕУ—хвойн—99; 28; МАЕ], пьянством¹⁵, развращением нравов [ЕУ—батец—99; 15; ЕАА]¹⁶.

Таким образом, «дружная» или «недружная» жизнь для современных деревенских жителей является комплексным представлением, несводимым только к наличию или отсутствию ссор, но соотносимым с целым рядом понятий, «выстраивающих» концепцию времени — соответственно, прошедшего или настоящего.

Примечательно здесь и то, что представления о «жизни без ссор» в первую очередь вызвали у информантов ассоциации с жизнью всей деревни, а не семьи, то есть «дружная жизнь» имела для них в первую очередь коллективные репрезентации. Возможно, это связано с тем, что происходившие в деревне изменения затрагивали прежде всего публичную сферу отношений¹⁷.

Следует также сказать, что оппозиция «раньше — теперь», при всей ее распространенности, все же не была универсальной — по крайней мере в том, что касается «дружного — недружного житья». Так, в некоторых случаях происходила ее нейтрализация — в представлении информанта, прошлая жизнь не отличалась от теперешней в лучшую сторону. Из разговора о внутридеревенских драках в прошлом:

Соб.: *А свои-то дрались за что?*

Инф.: *Ну, не поладят. Сосед с соседом не ладят, а ребятам неча... выпьют, дак... взбрыкивали.*

Соб.: *Вот Вы говорите, сосед с соседом не ладят. А что, раньше недружно жили в деревне?*

Инф.: *То же всяко всю жись — что сейчас, то и... Шчас тоже недружно живут.*
[ЕУ—гдов—00; 26; ЗЕП]

Кроме того, в ряде интервью описывалось то, что можно назвать «дружной жизнью по необходимости»: жили очень бедно, все время работали, на ссоры не оставалось ни времени, ни сил.

Соб.: *А вот не спорились так, на поле, например, из-за чего-то...?*

Инф.: *Не из-за чего спориться было — надо было только работать, работать и работать.*

[ЕУ—гдов—00; 27; ВЕА] (ср. ЕУ—гдов—00; 8; МВА)

В одном случае концепт «дружной жизни» вообще был представлен вне временного фактора.

Соб.: *А вот что значит «дружно жить»?*

Инф.: *Дружно жить? А чтобы трудиться. Любить землю, раз в деревне живешь. Будешь землю любить, будешь и людей любить... тебя будут любить.*

[ЕУ—гдов—00; 24; ЕМА]

Хотя рассмотренные речевые стереотипы могли быть достаточно развернутыми, в них по принципу «нанизывания» могло входить большое количество элементов; эти формулы, видимо в силу своей стилистической и смысловой законченности, обычно не провоцировали информантов на рассказы каких-либо персональных историй о дружной жизни или о ссорах. То же отмечали и другие исследователи, занимавшиеся анализом подобных текстов, строящихся на противопоставлении прошлого и настоящего: «Стереотипы как бы формируют мотив, не давая ему развернуться в пространное описание или подробный эпизод» (Разумова, 1991. С. 78, цит. по: Баранова, 2000. С. 69).

В целом запись подобных текстов не представляла особых трудностей: например, «задавая» информантам те или иные «концепты-синонимы», можно было тем самым актуализировать обширный контекст представлений, связанных с понятиями о дружной или недружной жизни.

Переход к собственно нарративам о ссорах сопрягается со значительным изменением «дистанции» информанта к излагаемому материалу, предполагает бóльшую степень его причастности к рассказываемым событиям. Эта причастность может выражаться в двух основных вариантах: информант либо слышал о ссоре от других (то есть, собственно, участвовал в процессе передачи сплетен), либо сам был участником конфликта. Поскольку в обоих случаях это может предполагать определенную ответственность за произошедшее, значимость этического

момента всей коммуникативной ситуации резко возрастает. Именно для разговора о бытовых деревенских ссорах будет наиболее релевантен упомянутый выше запрет на постановку прямых вопросов.

Все рассказы о ссорах в деревне можно разделить на две группы: «ссоры у соседей» и «ссоры у нас в семье» — именно в такой последовательности, потому что первых рассказов значительно больше, чем вторых. Рассмотрим первую группу.

Одним из главных этических принципов в деревне изучаемого региона (и, видимо, не только его) было невмешательство в конфликты своих однодеревенцев; об этом говорили многие наши информанты.

Соб.: *А соседи вмешивались вот в эти ссоры? [то есть в соседские]*

Инф.: *В чужие дела мы никогда не касаемся. Это бывает уже, когда уже совсем прибивают, так... кто-нибудь и вникнет. <...> Ведь в чужой скандал вмешиваться — знаете как? Потом будешь врагом. Они поладят, а ты будешь врагом.*

[ЕУ—гдов—00; 26; ЗЕП] (ср. ЕУ—гдов—00; 25; АНЯ; ЕУ—хвойн—99; 8; ВПФ)

Возможно, рассказ о соседской ссоре в некоторой степени также является формой такого вмешательства и, по крайней мере, создает потенциальную конфликтную ситуацию: угроза того, что сам факт пересказа станет известен, может заставить информанта либо совсем воздержаться от рассказа, либо значительно его редуцировать.

Этнограф, особенно если предметом его разговора с информантом является ссора или другая, столь же «закрытая», «интимная» тема, по сути дела является собирателем местных сплетен, а само интервью, по выражению одного из наших информантов, может быть уподоблено «подниманию старых веников»: *Ведь в городе не... не знают ни о чем, а в деревне все веники старые подымут! <...> Ну, вот все... скон века, все корни — кто какой, кто знал делать, кто не знал делать, кто какого поколения, кто богатый, кто бедный, кто рукодельный, кто не, кто леной, кто какой. В деревне же все...* [ЕУ—гдов—00; 8; МВА]. При этом вся подобная ситуация «передачи сплетен» носит очень искусственный характер: информация сообщается чужим, мало- или совсем незнакомым людям, не принадлежащим закрытой социальной группе (в данном случае — деревне) и не разделяющим с теми, кто в нее входит, общего знания контекста ситуации.

Кроме того, как бы высока ни была степень доверия информанта к собирателю, последний несомненно продолжает оставаться фигурой маргинальной и в определенном смысле «опасной» (часто нас специально предупреждали, что мы не должны никому рассказывать того, что услышим). И по этой же причине многие информанты вообще отказывались говорить о ссоре и близких к ней видах конфликтного взаимодействия, например о сплетнях:

Соб.: *А были на деревне такие... бабы, которые сплетни... (передавали. — А. К.), ссорили людей?*

Инф.: *Да а этого... есть такие... Не, я говорить не буду про них. А это... хошь, чтоб вся деревня знала, — скажи только слово-два... на другой день все знать будут. <...> Как бы только вот... не буду. Потом... не хочу это я... Не хочу.*

[ЕУ—хвойн—99; 15; ИВЕ]

Каким образом можно, тем не менее, вызвать информанта на разговор о соседских ссорах?

Подобно «связанности» ссоры в ряду других концептов, в совокупности выражающих представление о «хороших» или «плохих» временах, она как реальное взаимодействие оказывается вписанной в более широкий контекст событий: ссора не начинается вдруг (особенно если иметь в виду не повод, а ее более глубинную причину) и не проходит без последствий. Ссора вместе с тем, что ей предшествует и что за ней следует, образует цепочку событий, связанных друг с другом на уровне реальной практики, а в рассказе о ней — на уровне сюжета.

Наиболее типичными нарративными цепочками могут быть, например, следующие: женитьба сына — конфликт с невесткой — выдел молодых в собственный дом; соседская ссора — прекращение общения — месть; ссора — примирение; зависть — ссора — месть; ссора, семейный разлад — болезнь — чудесное исцеление и пр. Такая структура повествования позволяет применить своего рода «обходной маневр»: задавая вопрос о том или ином более «открытом» или аксиологически нейтральном элементе этой цепочки, можно ожидать полного рассказа обо всем, что произошло, включая ссору.

Методическая задача в этом случае будет состоять в том, чтобы выделить такие метонимически связанные со ссорой контексты, которые могли бы вывести информанта на рассказ о ней самой. В качестве начала разговора могут быть предложены следующие вопросы: 1) Часто ли в деревне происходили разлады, было ли это связано с брачным выбором сына или дочери? 2) Каково отношение информанта к разводу и насколько оно определяется тем, что можно было наблюдать в деревне в последнее время? 3) Может ли информант пойти в гости к любому жителю деревни, и если нет, то почему? 4) Со всеми ли жителями деревни можно говорить на любые темы? 5) По каким случаям (кроме праздников) принято в деревне выпивать? и т. п.

Последний вопрос связан с тем, что, особенно в мужских интервью, можно встретить рассказ, строящийся как реализация базовой формулы конфликта: «поссорились — помирились (на вине)». Например [о двух поссорившихся братьях, один из которых разорвал на другом рубаху]: *Ну, там, женка утром — пилить, на другой день <...> что за чем, такой-сякой, разорвал за что. Ну потом тот приходит: «Колька, подем — опохмелятьцы и мирицы». Выпили — помирились... (а жены продолжали враждовать. — А. К.)* [ЕУ—хвойн—99; 15; ИВЕ].

Очень продуктивным представляется и разговор о структуре деревенского «знакомства»: в каждый ли дом можно прийти поговорить,

есть ли такие люди, к которым предпочитают не обращаться с просьбой и пр. Ссора имеет свои узнаваемые культурные репрезентации, в том числе и пространственные, которые можно рассматривать как «знаки» ситуации ссоры. Прекращение общения, гостеприимства является одним из таких наиболее часто встречающихся знаков. Соб.: *А вот быва-ет так, что когда-то... дружили там, ходили друг к другу на чай, а потом перестали? Там, — поссорились, например?* Инф.: *Поссорисси, дак и не будешь ходить...* (Далее следует рассказ о таком случае у И. и ее подруги. — А. К.) [ЕУ–хвойн.–99; 40; ЛНМ]. Рассказывая о последствиях крупной ссоры с соседкой из-за пограничного поля другая информантка говорит: *Ой, это было давно <...> Не, навязано. У нас все загоро[жено]...* [ЕУ–гдов–00; 7; МВА].

Вообще деревенское соседство, особенно ближайшее, предполагает достаточно интенсивный обмен (ср.: *Вот мы живем с Ритой дружно, так... — когда що у ней есть, она мне несет, когда у мене что есть — я ей снесу* [ЕУ–гдов–00; 17; ШОА]). Нарушение привычного, ожидаемого обмена может либо свидетельствовать об уже произошедшей ссоре, либо быть ее причиной.

Соб.: *Так а вы что с ним [соседом. — А. К.] ссоритесь из-за этих полей...?*

Инф.: *Ну что с ним... в прошлом году ссорилися... На этот год крупницы спросила... коровам было нечего давать просила у него стог сена в долг — он ни за что не дал.* [ЕУ–гдов–00; 26; ЗЕП]

Таким образом, тема соседских взаимосвязей различного уровня, как более «нейтральная», чем комплекс вопросов, относящихся непосредственно к ссоре, является диагностическим контекстом открытой или латентной конфликтности в деревенском пространстве и может служить отправной точкой разговора собственно о ссоре.

Развернутые нарративы о ссоре обычно обладают высокой степенью контекстуализации, то есть величина контекста при их описании может быть достаточно велика. Характерным примером может служить один из записанных нами рассказов, в котором описание ссоры с ближайшей соседкой из-за скошенного куска поля предваряется сведениями о характере соседки (*горячая, необходимая* и пр.); о покупке соседкой участка для зятя; о том, что сама информантка до этого события много лет косила траву на этом участке; о собственном трудовом стаже (*я отработала сорок два года...*); о трудовой карьере соседки (*а она в колхозе у нас не работала — она все работала в [у] ветврача... санитаром..., [а потом пошла] трактора заправлять, кладовщиком*) и пр. Только после этого начинается рассказ о том, как соседка прибежала на скошенное поле, подняла страшный крик, грозилась отравить сено и корову информантки и пр. [ЕУ–гдов–00; 7; МВА].

Такая особенность нарративизации ссор соответствует нашему общему подходу к их изучению, заключающемуся в постоянном сопостав-

лении уровня «институционального» (семейные и соседские структуры как основа социального пространства) и связанного с ним уровня «поведенческого».

В этом смысле вопросы об изменениях структуры семьи (например, раздел в результате ссоры) могут дать очень ценную информацию, позволяющую соотнести поведенческие аспекты взаимодействия с его структурными особенностями. Так, в одном из записанных нами текстов двое братьев поссорились «на межи» (при разделе поля), один из братьев убил другого, семья раскололась на два враждебных лагеря. Далее ситуация разворачивается почти что по шекспировскому сюжету: парень из одного «лагеря» полюбил девушку из другого, и они, несмотря на вражду их родственников, решили пожениться. Молодым всячески пытались препятствовать, однако они «напакостили раньше времени», и деваться было уже некуда [ЕУ—хвойн—99; 24; ИЕИ].

Несомненно, метод экспликации ссоры, состоящий в том, что собиратель начинает разговор с наиболее открытых и нейтральных элементов событийной последовательности, в которую может входить ссора, предполагает, что информант сам переходит от одного содержательного блока к другому или нуждается лишь в незначительных подсказках собирателя.

Выше было предложено разделить имеющиеся у нас тексты на «рассказы о соседских ссорах» и «рассказы о ссорах в нашей семье»; между ними, однако, существует промежуточный тип текстов, строящихся на противопоставлении семьи информанта и семей соседей. В основе таких рассказов лежит формула: «у нас жили очень дружно и никогда не ссорились, а вот у них ссорились постоянно». Например: *У отца с матерью никогда спору не было. Ни брани, ничего. Боже упаси! — чтобы у нас какие брани... даже бабушка с мамой — скоко я прожила... никогда брани не было... Вот не вру вам — грех врать — чтобы они когда спорились — Боже!* [ЕУ—батец—99; 29; ЕАА]. Утверждение о подобной идиллии в родительском доме наша информантка повторяла много раз, хотя, судя по другим ее рассказам, ее «порог конфликтности» была, видимо, несколько занижен, так как многие рассказываемые ею случаи о взаимоотношениях ее родителей иначе как ссорами (или по крайней мере перебранками) не назовешь.

Тем не менее в представлении самой информантки подобная идиллия существовала, полной противоположностью чему стал дом мужа, куда она перешла жить после свадьбы: *Это не matka была — у них со свекровой — [в]от не вру, [в]от — чуть не каждый день брань! До чего же — не знаю! Что у них — я уже теперь не помню! Я пожила там два года с половиной, потом... пришла домой... Пришла и плачу... [В]от, погляди, у них опять брань, опять чуть что не драка. <...> У меня уже от первый... мальчик был, Валя. Я г[ово]рю: «Ребенка дураком сделают!» (Там же).*

В данном случае желание именно таким образом представить положение вещей объясняется, на наш взгляд, несколькими обстоятельствами. Во-первых, семья мужа было гораздо беднее родителей информантки, видимо самых состоятельных людей в деревне. Во-вторых, если в своей семье информантка была единственной и любимой дочкой, то в доме мужа она оказалась среди восьми его братьев и сестер. В-третьих, репутация семьи мужа была несколько сомнительной (свекровь информантки за сварливый характер имела прозвище Шумилка, а отец информантки, видимо, не зря запрещал дочери гулять с ее будущим мужем).

Возможно, приписывание семье мужа постоянных ссор является для информантки, даже спустя столько лет, способом отстранения, подчеркиванием своей лишь частичной интеграции в структуру этой семьи; этим, в свою очередь, оправдывается и последующий уход с мужем в раздел. Примечательно также, что в ее рассказах реализуется то, что мы выше назвали «связанным» представлением: «худая жизнь» в доме мужа осмысливается через ряд взаимосвязанных параметров: бедность, многодетность, дурная репутация в деревне.

Таким образом, создается образ «контрастной идентичности»: описание ссор в других семьях оказывается характеристикой собственной семьи, где никто друг от друга «худого слова не слышал». Как выяснилось из дальнейших интервью, информантка склонна противопоставлять свою семью не только семейству мужа, но и фактически всем другим семьям в деревне: *Мы дружно... У нас семья была... В нашей семье — Господи, не вру — никогда свекровь с мамой не ругалась.* [На эту фразу она ритмично ударяет рукой по столу. — А. К.]. *Понятия не имели. А другие — ооооооо! Танцы до упаду, драка до утра. Брань, и крик, и закрой, Господи!* [ЕУ—батец.—99; 29; ЕАА].

Случаев подобной контрастной репрезентации было записано довольно много [ЕУ—хвойн—99; 15; ИВЕ; ЕУ—хвойн—99; 29; МАЕ; ЕУ—батец—99; 18; ЕАА]. Видимо, отчасти мы имеем здесь дело с особой, возможно неосознаваемой, стратегией представления собственной идентичности (и/или идентичности своей семьи), состоящей в «мифологическом упорядочивании», создающем непротиворечивый «сценарий» своей жизни от прошлого к настоящему¹⁸.

Контраст, создающий основу для нарративизации в подобных рассказах, присутствует и в большом количестве текстов о ссорах в семье информанта; в абсолютном большинстве этих текстов информант представляет себя незаслуженно обиженным, жертвой злобных происков других членов семьи¹⁹. Таких текстов было записано несколько [ЕУ—батец—99; 15; ЕАА; ЕУ—батец—99; 29; ВНА; ЕУ—хвойн—99; 24; ИЕИ]. Вот один характерный пример.

Соб.: *А вот у вас есть вот в деревне люди, которые друг с другом вот в ссоре, не общаются?*

Инф.: *Да я со своей сестрой не общаюсь дак — с родной. Одна я оставши, миленькой... Онна и я только оставши. Вот — тоже в Луге живет. Как напьется — так мне звонит... Звонит: давай мне три миллиона баксов — баксов это значит долларов, да? — и бери дом весь тебе [себе. — А. К.]. А после смерти-то мамы и папы он нам доставши с ней напополам. <...> Ну она до этого все убрала [забрала. — А. К.] — все-все-все, что было — и холодильник, и стиральный порошок, и мыло — даже и гвозди, и тазы — все-все увезла на машине. Я приезжаю — и ничего нету. И мой-то порошок у меня... трехкилограммовая... [банка]. Я г[овор]ю, — ай, а куда ж это делась эта?*

[ЕУ—батец—99; 18; ОАЕ]

Выясняется, что сестра в отсутствие информантки приехала и забрала все, что можно было увезти; потом дочь сестры, «освободи[вшись] из тюрьмы», приехала за очередной порцией вещей, а далее следовал совсем детективный сюжет про то, как приехавшие, не удовлетворившись количеством яблок на деревьях и заподозрив информантку в их намеренном сокрытии, заперли ее в подвале и обыскивали весь дом.

Данное интервью является характерным примером того, как нарративизация конфликта становится способом его преодоления. То, что собиратели, с одной стороны, не были местными жителями, а с другой — имели определенный авторитет в глазах информантки, скорее всего способствовало этому. Однако это интервью заслуживает внимания не потому, что информантка «излила душу» собирателям, а поскольку реакция самих собирателей, хотя и неосознанная, выводит на проблему корректировки коммуникативных ролей — вплоть до изменения формата всей коммуникативной ситуации.

Сделаем небольшое отступление, помогающее объяснить один из возможных методологических приемов, который может быть использован всякий раз, когда информант пытается создать образ контрастной идентичности, будь то описание отношений в своей семье или у соседей.

В одной из своих работ под названием «Глубокая игра: заметки о петушиных боях на о. Бали» («Deep Play: Notes on the Balinese Cockfight») К. Гирц описывает ситуацию, в которой «взаимность» (rapport) собирателя с информантами была достигнута очень своеобразным способом. В деревушке на острове Бали, куда исследователь с женой прибыли в 1958 году, местные жители с самого начала предпочли «не замечать» их, что создавало значительные трудности для включенного наблюдения. Так продолжалось вплоть до того, пока не произошло одно замечательное событие. Гирц с женой пришли посмотреть на запрещенные петушиные бои, и, когда туда нагрянула полиция, они вместе со всеми жителями деревни бежали от преследования. Когда их в конце концов поймали, и они были приведены в участок для допроса, то неожиданно нашли горячего защитника в лице деревенского старейшины, который всячески старался выгородить их из неприятной ситуации. С этого момента отношение к ученым резко изменилось, и они стали

получать всевозможную поддержку от местного населения (см.: Marcus, 1998. С. 105–106).

Комментируя этот рассказ, Дж. Маркус обращается к понятию *complicity* (то есть «соучастие», в первую очередь в чем-либо неблагоприятном, например, в преступлении), которое, по его мнению, достаточно часто служит средством установления «взаимности» собирателя с информантом, создает между ними узы солидарности, дающей собирателю возможность быть «принятым» в чужой культуре: «*complicity makes the outsider the desired anthropological insider*» (Там же. С. 107).

Представляется, что в ситуации, когда было записано приводимое выше интервью о ссоре двух сестер, также присутствовали элементы подобного «соучастия». В начале разговор проходил в обычном режиме: собиратели задавали вопросы — информант отвечал; однако вскоре собиратели, очевидно, незаметно для себя приняли сторону рассказчицы в ее конфликте с сестрой (начали советовать, как поступить, если та будет продолжать вести себя подобным образом, куда обратиться и пр.). Выражение подобной «солидарности» в определенном смысле слова превратило собирателей в «соучастников» информантки в описанной ссоре.

Поскольку данное интервью было одним из наиболее удачных по нашей теме, хотелось бы на его основе сделать следующие методологические предположения.

Работая над темой ссоры, собиратель, во-первых, может как бы принимать сторону информанта, представляя себя как сочувствующего, однако не навязывая своего видения ситуации. При этом по возможности следует поочередно опрашивать всех участников конфликта. Во-вторых, можно попробовать отказаться от привычного одностороннего распределения коммуникативных ролей (один — источник информации, другой — ее провокатор). Выглядеть это может следующим образом: собиратель предлагает информанту «историю-аналог» — рассказ о ссоре, участником которой был он сам или известные ему люди, таким образом провоцируя информанта на рассказ о подобных событиях в его собственной жизни. При этом изменится вся структура полевого интервью, от жанра (это скорее будет «беседа», чем «опрос», что позволит говорить о большей «естественности» его коммуникативного плана; см.: Панченко), до иного соотношения так называемого «нарративного авторитета» («информантами» станут оба ее участника).

Как нам кажется, предлагая информанту свой рассказ о ссоре, мы вызываем у него потребность осмысления и оценки этого содержания, что более естественно, чем прямой вопрос, может подвести информанта к рассказу о собственной схожей ситуации, а психологически — снять ту напряженность, которая неизбежно возникает при переходе на столь щекотливую тему.

Рассказ о ссоре, строящийся на основе контраста («наша семья» vs «другие семьи» или «я» vs «родственник-обидчик»), всегда содержит оценку поведения тех, о ком идет речь. Наличие этой интерпретационной составляющей позволяет говорить о том, что рассказ о ссоре, в более или менее эксплицированной форме, выявляет этику порождающего его культурного контекста. Это во многом отвечает «герменевтическ[ому] принцип[у]... этнологической интерпретации», предполагающему «участие носителя культуры в ее толковании» (Чеснов, 1999. С. 12).

В заключение сформулируем основные принципы работы по теме «ссора», которые следуют, в частности, из приведенного выше анализа.

1. Требуется длительное и по возможности многократное общение с информантом, постепенное создание отношений доверительности.

2. Разговор оптимально ведется один на один, запись производится только на магнитофон, так как приход сразу двоих собирателей и параллельная запись содержания разговора в тетрадь, вероятнее всего, будут осложнять «интимизацию» общения.

3. Следует избегать прямых вопросов, стараться выходить на тему из ассоциативных или смежных контекстов.

4. Собиратель может «принимать сторону» информанта в описываемом конфликте, тем самым провоцируя его на большую открытость.

5. По возможности следует опрашивать все стороны, участвующие в конфликте, а также узнавать мнение соседей.

6. Собиратель может смоделировать двустороннюю диалогическую ситуацию через рассказывание собственной «истории-аналога».

Опросник («Ссора»)

1. Поведение во время ссоры

Что значит, с кем-то «поссориться»? Говорят ли у вас, что кто-то с кем-то «поссорился», или «поругался», «поцапался»? Какие ещё слова у вас употребляют для таких случаев?

Что обычно происходит, когда ссорятся, что и как говорят друг другу, как ведут себя? Если люди находятся друг с другом в ссоре, стараются ли они избегать друг друга или, наоборот, пытаются встретиться, чтобы что-то сказать или сделать друг другу? Могут ли те, кто в ссоре, находиться в одном и том же месте, например, если их обоих пригласил кто-то третий? Или же кто-нибудь обязательно уйдет?

Если два человека поссорились, могут ли их родственники и знакомые продолжать поддерживать хорошие отношения с другой стороной? Обязательно ли между ними тоже начинается вражда?

Может ли ссора перерасти, например, в драку? Когда это может происходить? Если двое на улице дерутся, как обычно говорят: «они ссорятся» или «они дерутся»?

Есть ли разница между тем, как ссорятся мужчины и женщины?
В чем эта разница?

Называют ли ссору мужчин и женщин по-разному?

Могут ли женщины поссориться и подраться или так может случиться только у мужчин?

Когда ссорятся, но не дерутся, могут ли при этом делать какие-то действия — например, чем-то кидаться, что-то разбивать, разбрасывать и пр.? Кто так чаще делает, женщины или мужчины?

Как ссорятся дети? Происходит ли это только на словах или включает какие-нибудь действия?

Могут ли поссориться старики (с кем-либо, между собой)? Отличается ли это как-то от ссоры молодых?

Как долго могут длиться ссоры?

Пытаются ли найти того, кто первый ее начал? Считается ли такой человек виновным?

Бывает ли, что кто-нибудь из ссорящихся/поссорившихся хочет примириться, просить прощения и т. д.? Что в таком случае обычно делает второй (другие) участник(и) ссоры? Говорят ли у вас, что если поссорились мужчина и женщина, то женщина первая должна попытаться прекратить ссору? Если да, то как это у вас объясняют?

Как долго могут помнить обиду? Может ли из-за старой обиды разгореться новая ссора?

Бывали ли у вас случаи, когда кто-нибудь пытался отомстить за старую обиду?

Как можно отомстить другому человеку? Было ли что-нибудь подобное у вас в деревне? Есть ли разница между тем, как мстят мужчины и женщины?

Бывает ли так, что кто-нибудь специально старается поссорить других? Помните ли вы о каком-нибудь подобном случае? Бывают ли такие люди, которые все время этим занимаются? Как относятся к ним в деревне (стараются ли их избегать и пр.)?

Как у вас называют тех, кто часто ссорится? Говорят ли у вас о ком-нибудь «сварливая баба»? Что это значит? Может ли быть «сварливый мужик»?

Как относятся к таким людям? Расскажите о таком человеке в вашей деревне. Была ли у вас когда-нибудь с ним/ней ссора?

Как можно поссорить людей?

II. Семейные ссоры

A. Общее.

Правда ли, что нет такой семьи, где родственники время от времени не ссорились бы между собой? Как вы думаете, это нормально? Должно ли так быть?

Можно ли сказать, что чем больше семья, тем больше в ней ссорятся?

Кто с кем обычно ссорится в семье?

Кто обычно начинает ссору? Всегда ли это возможно установить?

Могут ли поссориться дети и родители, внуки и бабушки / дедушки? Если нет, то почему?

Как часто обычно ссорятся в семье?

Что значит «постоянные ссоры в семье»? Из-за чего обычно происходят такие ссоры?

Может ли у них быть одна и та же причина или же они начинаются каждый раз по новому поводу?

Если муж ударил или побил жену, называется это ссорой или как-то иначе?

Бывает ли, что жена уходит из дома, где идут постоянные ссоры и какое-то время живет у своих родителей или у другой родни, а потом возвращается назад к мужу? Как часто это случается? Каким словом это называется? Как относятся к таким женщинам?

В. Ссоры в семьях соседей.

Часто ли происходят ссоры в семьях ваших соседей? Откуда вы об этом узнаете? Часто ли ваши соседи рассказывают вам о том, что у них в доме произошла ссора? Кто рассказывает об этом больше — мужчины или женщины? Где, когда и для чего?

Кого вы сами скорее спросили бы о домашней ссоре в их семействе — мужчину, женщину, старого или молодого? Почему? Кому из них вы бы скорее рассказали о ссоре, произошедшей в вашем доме?

Если вам о ссоре не рассказали, можно ли тем не менее узнать, что в том или ином доме ссорятся? По каким признакам? Часто ли семейная ссора происходит в доме, то есть там, где ее никто из посторонних не видит? Можно ли слышать ссору соседей, даже если она происходит в их доме?

Если члены семьи (например, муж с женой) ссорятся, вмешивается ли в эти ссоры кто-либо из чужих и старается ли примирить? Или же считается, что свои между собой скорее поладят сами?

Если кто-либо из знакомых поссорился, то как они могут потом помириться? Мирит ли их кто-либо третий или они мирятся сами?

Бывает ли, что один из ссорившихся сам(а) обращается к кому-либо третьему с просьбой примирить их? Кто это может быть? Как часто такое происходит?

Бывало ли так, что в случае крупной ссоры кто-либо из ее участников обращался за помощью в милицию, суд и пр.?

С. Ссоры в семье информанта.

Часто ли происходят ссоры в вашей семье? Было ли их больше, когда были живы другие члены семьи (муж, родители, братья, сестры и др.)?

Бывали ли какие-нибудь большие ссоры в вашей семье — может быть, такие, которые оказали какое-либо большое значение в вашей жизни?

Рассказывали ли вы о такой ссоре своим детям / внукам?

Кому еще вы рассказывали о таких ссорах?

Часто ли вы вообще рассказываете о домашних ссорах? Кому и зачем?

Считают ли у вас, что не следует рассказывать о своих ссорах чужим? Вспоминают ли при этом поговорку «выносить сор из избы»?

III. Ссора и свадьба

Ссорились ли парень с девушкой, если она отказывалась выйти за него замуж? Происходила ли такая ссора только между ними двоими или оба семейства начинали враждовать? Затрагивало ли это каких-либо других людей — например, сватов (если они были), знакомых каждой семьи?

Могло ли так случиться, что молодые ссорились уже накануне свадьбы и свадьба не игралась? Помните ли вы такие случаи в вашей деревне?

Могли ли происходить ссоры во время самой свадьбы, например, между гостями или будущими родственниками? Какие к этому могли быть поводы?

Происходили ли раньше ссоры на свадьбе, если невеста оказывалась нечестной (если это вообще проверялось)? Чем могла закончиться такая ссора? Прощали ли невесту или свадьба отменялась? Бывали ли какие-нибудь наказания для нечестной невесты?

Происходили ли какие-нибудь шуточные ссоры на свадьбе? (например, между кем-нибудь со стороны жениха и со стороны невесты) Или это называлось по-другому?

Когда жена переходила жить в дом к мужу, часто ли бывало, что у них начинались ссоры и раздоры со свекром и свекровью, золовками и деверьями?

Случалось ли так, что из-за таких ссор молодые могли заводить свое собственное хозяйство: отделяться, строить дом, переезжать в дом ее родителей?

Бывали ли у вас в деревне такие случаи, когда крупная ссора вызывала развод?

IV. Ссора и родины/похороны

Можно ли ссориться беременной или членам семьи в доме, где есть беременная? Почему? Представляет ли домашняя ссора какую-либо опасность для ребенка, и если да, то какую?

Делали ли что-нибудь у вас в деревне, чтобы дети в семье не ссорились между собой?

Можно ли было ссориться, когда кто-нибудь из домашних был близок к смерти или в доме лежал покойник? Почему? Объяснялось ли это нуждами умирающего / покойника или других членов семьи? Что могло случиться при несоблюдении этого запрета?

V. Ссора и «мифологическое программирование» повседневности

Какие приметы существуют о ссоре?

Говорят ли что-нибудь, если просыпешь соль, положишь ключи на стол, будешь разговаривать через порог и пр.? Если это происходит, делаете ли вы что-нибудь в таких случаях?

Помните ли вы какие-нибудь поговорки, пословицы о ссоре?

Знали(-ют) ли у вас заговоры на ссору (разлучение, остуду) между мужем и женой?

Кто и для чего мог произносить такие заговоры?

Бывало ли так, что в результате ссоры могли наслать порчу? Отомстить каким-либо другим образом?

VI. Ссора и мифологические персонажи

Может ли ссориться между собой нечистая сила? Кто обычно ссорится, по каким поводам? (Из-за чего, например, могут ссориться домовые?)

Может ли нечистая сила ссорить людей? Слышали ли вы о таких случаях?

Ругаются ли в ссоре матерными словами? Могут ли проклинать? Бывало ли так, что тот, кого обругали или прокляли исчезал? Встречался с нечистой силой?

Примечания

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке «Института Открытое общество» (RSS No.: 1136/2000).

² Вероятно, тексты «для внутреннего круга» будут отличны от тех, которые заведомо выйдут за его пределы. К сожалению, мы пока не в состоянии проверить эту гипотезу, однако, на наш взгляд, собирателю следует сознавать, что сообщаемый ему текст может быть «сконструирован» специально для него: «We need to be aware of our own role as observers and the extent to which this role influences the information we receive» (Gender and Power in Rural Greece, 1986. С. 26).

³ ЕУ–хвойн–99 — материалы экспедиции Европейского университета в Санкт-Петербурге в Хвойнинский р-н Новгородской обл., 1999 г. ЕУ–гдов–00 — материалы экспедиции Европейского университета в Санкт-Петербурге в Гдовский р-н Псковской обл., 2000 г. ЕУ–батец–99 — материалы экспедиции Европейского университета в Санкт-Петербурге в Батецкий р-н Новгородской обл., 1999 г. С полевыми материалами можно ознакомиться в архиве полевого центра факультета этнологии Европейского университета.

⁴ Вопрос об определении «повседневного», о его соотношении с категориями «событийное» или «фоновое» вообще достаточно сложен (см., напр., полемику вокруг понятия «повседневное» в современной немецкой фольклористике: Sedlaczek, 1997. С. 87). Кроме того, ответ на этот вопрос предполагает и учет критерия значимости происходящего для самих участников ситуации: как известно, то, что для носителя культуры будет оставаться «невидимым» в своей привычности, для внешнего исследователя часто может представляться фактом, достойным фиксации. В целом провести однозначное разграничение между тем, что является собственно «событием», и что «фоном», на котором оно происходит, мы пока не беремся.

⁵ Кроме того, может существовать общеаксиологическая установка, при которой информанты могут вообще избегать разговоров на такие «неприятные» темы, как ссора. Видимо, в данном случае имеет место эффект так называемого «пейоративного отчуждения», когда человек, «отрицательно оценивая тот или иной объект, доводит эту отрицательную оценку до предела тем, что исключает объект из своего культурного и/или ценностного мира» (Пеньковский, 1989. С. 57).

⁶ Пользуясь выражением А. Дандеса, их можно назвать двумя хотя и связанными друг с другом, но тем не менее достаточно самостоятельными «folk ideas», то есть традиционными взглядами на природу человека, мира, места человека в мире и пр., существующих у определенной группы людей, не образуя при этом какой-либо фольклорный жанр, но находя выражение в многообразии различных жанров (см. Dundes, 1975. С. 95).

⁷ Насколько велико значение этого корпуса текстов в повседневной деревенской жизни, возможно, дает некоторое представление следующая ситуация. Информантка затрудняется ответить на вопрос, знали ли в деревне какие-нибудь «приметы», какие действия или события могли вызвать ссору, однако «узнает» примету о рассыпанной соли. Вслед за этим, уже без подсказки, вспоминает, что нельзя перебежать дорогу перед свадебным поездом, и рассказывает историю о том, как в их деревне выходила замуж учительница, дети перебежали дорогу, а матери их останавливали: *«Чертенята, станьте в стороны — куда бежите? Жить ведь не будут!» Точно — жить не стали.* // **Соб.:** *А что значит, «жить не будут» — то есть ссориться будут, да?* // **Инф.:** *Развелись... развелись.* Далее информант не узнает предложенную собирателем ситуацию «разговаривать через порог» (говорит, что это нельзя, потому что «некрасиво»), а на вопрос, можно ли «класть ключи на стол», говорит: *не знаю — я все время на стол ложу.* Зато ситуацию «вытирать бумагой стол» информант не просто узнает, но дает ей вполне семиотическую интерпретацию: *Шум! Бум... как... происходит какое он... от шума бумаги — значит, шум будет и скандал* [ЕУ—хвойн—99; 24; ИЕИ]. Из данного примера видно, что комплекс примет и запретов не существует у информанта в некоем абстрактном виде, но связывается с контекстом конкретных ситуаций, а также что происходит процесс трансформации мифологических представлений в этические.

⁸ Последнее подтверждается и на многочисленных материалах XIX в., ср.: «Что ж это, братцы? — заговорили дети Пимана. <...> Что же вы в самом деле корите нас счастьем? Чем провинились? Тем, что с утра до полночи работаем? Что живем мы без ссор и без драки? Что на других с нахрапом не лезем? Что по кабакам не ходим? Что подати нами справлены все начистую? Что не водят у нас со двора лошадей и коров на продажу? Что не тянемся мы по судам? Что блюдем свою честь и зады под мирскую лозу не доводим?» (Златовратский, 1897. С. 122) и пр.

⁹ Ср.: *Люди были лучше, во-первых... Добрее, все добрые были. (...) Народ был хороший. (...) Продукты были все свои домашнии. (...) Скотину держали. Творог, сметана, молоко, яйца, все... Во!* (ЕУ—хвойн—99; 28; АЕО).

¹⁰ Ср.: *У нас раньше и ворота не закрывали, жили в деревни, никто... никто не шел воровать, ничоо... Пойдем вот, палочку поставим... пойдем палочку положим х этой... двери, що никого нет, и никогда замок не вешали, что кто-то придет* [ЕУ—хвойн—99; 28; МАЕ].

¹¹ Ср.: *Я... вам сказал, что веселее, знач[ит], было! <...> В каждой деревне... сумерки начинались — лето... хоть под балалайку, да играют. Кто-то сидит, в балалайку играют, собираются — а сейчас что? Вот прошла... Петров день, она две... двенадцатого числа было — и что? Сидели все дома...* [ЕУ—гдов—00; 26; МГП] (ср. ЕУ—хвойн—99; 28; ИЕИ).

¹² **Инф.1:** *И вот наш край ходил вот в эту... байню — семь домов в байню ходили.* **Инф.2:** *Видишь, дружный какой народ!* [ЕУ—гдов—2000; 7; МВА, МНП].

¹³ **Соб.:** *А вот как Вам кажется, раньше в деревне дружно жили, дружнее, чем сейчас, или нет?* **Инф.:** *Ой, ясно, дружнее, дружней.* **Соб.:** *А как это, почему?* **Инф.:** *А как — все лучше, как и ... не так, как теперь, — как собаки, один на одного грызутся, ой! Раньше — не, раньше как-то... уважали друг друга и почитали стариков...* [ЕУ—гдов—00; 25; АНЯ].

¹⁴ **Соб.:** *А вот как вам кажется, — когда люди дружнее жили, лучше, вот раньше — допустим, после войны, в семидесятые годы — или сейчас?* **Инф.:** *Да, раньше лучше жили, дружнее. Бывало, навоз нарывали на тракторную телегу, нароем, садимся и с песнями едем. А теперь во сто раз хуже* [ЕУ—гдов—00; 27; ВЕА].

Хотя в записанных нами рассказах о «дружной жизни» прошлое обычно представлялось в достаточно общем виде, в основном оппозиция «советское — постсоветское время» вообще достаточно значима для большинства жителей деревни (ср., напр., ответ одного из информантов на вопрос о «вздорных бабах» на деревне: *Ну, знаете, когда заведешься, любую чего-нибудь... а ведь людей знаете, сейчас мы все как на пороховой бочке сидим, сейчас такая обстановка...* [ЕУ—гдов—00; 24; ЕМА].

Возможно, на представление об «идеальном прошлом» и, в частности, на его осмысление через образ «совместной работы» оказал влияние и советский стереотип «взаимовыручки» и «коллективизма».

¹⁵ **Соб.:** *А вот скажите, как вам кажется — вот раньше, когда Вы молодая еще были — в деревне душевнее, лучше жили, чем сейчас?...* **Инф.:** *Тогда лучше*

жили <...> *А сейчас я знаю... все чисто считай пьют* [ЕУ–гдов–00; 17; ШОА] (ср. ЕУ–батец–99; 18; ОАЕ).

Представление о том, что, «как выпьют, так всегда ругаются» очень стабильно. В частности, оно регулярно проявляется в женских интервью. **Соб.:** *А вот Вы говорите, «мало пили, так и не бранились». А что, всегда спьяну бранятся, да?* **Инф.:** *Да неужто нет? Напьются, дак все одын перед одним, и всякая штука бывает...* [ЕУ–гдов–00; 7; МВА]. Однако обратное, «не пьют — не ругаются», не обязательно подтверждается, как в приведенном выше примере. Видимо, это связано не столько с тем, что зависимость между пьянством и ссорами имеет односторонний характер, сколько с тем, что при «разложении» формулы «пьют — ругаются» ее место занимала другая формула, а именно «всякое бывало».

¹⁶ В последнем примере постоянной причиной деревенских скандалов является пьяница-соседка, — по выражению информантки, «шкляха из шкляох шклях[а]», семья которой, состоящая из трех человек, «тройка единосущна», пьет так, что некому даже доить корову.

¹⁷ При этом значимо само соположение личного опыта информанта и контекста публичных отношений в деревне, позволяющее разглядеть в каждом интервью «социальную репрезентацию истории» («social representation of history» — Gagnon, 1981. С. 54).

¹⁸ О роли подобного «упорядочивания»: «...mythological rearranging plays a specific instrumental role within the self-regulatory system of the psyche which allows the subject to smoothly incorporate his past and his own life history into the strategy, or 'script', of his present life» (Hankiss, 1981. С. 204).

¹⁹ См. о «ламентациях» — текстах, в которых человек представляет себя как «жертву судьбы, правительства, соседей» (Баранова, 2000. С. 72–73).

Литература

- Баранова В. В. Рассказы современных крестьян о прошлом и настоящем // Традиция в фольклоре и литературе. СПб., 2000. С. 68–77.
- Златовратский Н. Н. Устои. Роман. 3-е изд., доп. Т. 2: Очерки крестьянской общины. М., 1897. 406 с.
- Панченко А. А. Инквизиторы как антропологи, антропологи как инквизиторы (в печати).
- Пеньковский А. Б. О семантической категории «чужести» в русском языке // Проблемы структурной лингвистики 1985–1987. М.: Наука, 1989. С. 54–82.
- Разумова И. А. Стилистическая обрядность русской волшебной сказки. Петрозаводск: Карелия, 1991. 151 [2] с.
- Чеснов Я. В. Этнологическое мышление и полевая работа // Этнографическое обозрение. 1999. №6. С. 3–16.
- Gender and Power in Rural Greece. New Jersey, Princeton UP: 1986. / Introduction J. Dubisch. 259 p.

- Dundes A.* Folk Ideas as Units of World View // Toward New Perspectives in Folklore. Ed. Americo Paredes and Richard Bauman. Second Printing. U of Texas P., Austin and London: 1975. P. 93–104.
- Gagnon N.* On the Analysis of Life Accounts // Biography and Society. The Life History Approach in the Social Sciences. Ed. by Daniel Bertaux. Beverly Hills, California, 1981. P. 47–61.
- Hankiss A.* Ontologies of the Self: On the Mythological Rearranging of One's Life-History // Biography and Society. The Life History Approach in the Social Sciences. Ed. by Daniel Bertaux. Beverly Hills, California, 1981. P. 203–211.
- Marcus G.* Ethnology through thick and thin // Princeton UP, 1998. 276 p.
- Sedlaczek D.* Von der Erzählerpersönlichkeit zum Alltäglichen Erzähler // Fabula. 1997. Bd. 38. H. 1/2. S. 82–101.